

Зимой рассвет наступает поздно, и только к часу дракона (примерно 7–9 часов утра) небо на востоке стало сереть.

В деревне Люси из труб многих домов начал подниматься дым. Если бы это было летом или осенью, такое время пробуждения считалось бы поздним. Но в холодное время года люди больше занимались делами в доме, а вставать рано означало тратить ценное масло для ламп.

По утрам большинство жителей деревни разогревали сухие лепешки и ели их с большой чашкой овощного супа. В семьях с лучшим достатком в грубую муку могли добавить немного белой муки, чтобы еда не так царапала горло. Хотя жизнь у большинства деревенских семей по-прежнему была непростой, в сравнении с прошлыми годами люди чувствовали себя более чем удовлетворенно.

Два года назад на северной границе шли тяжелые сражения. Волнами прибывали войска императорской армии, многие погибли, но в конце концов удалось отогнать северных варваров. Хотя война закончилась победой, ее цена была огромной. Деревня Люси находилась не слишком близко к границе, но и не слишком далеко. Она не пострадала от военных действий напрямую, но в самые тяжелые времена жители ели лишь раз в день, и даже тогда еды не хватало.

После окончания войны в течение двух лет люди постепенно приходили в себя. Теперь, хоть и грубая, но трехразовая пища наполняла их желудки.

В это утро, пожалуй, позже всех во всей деревне, включая детей, проснулся новоиспеченный супруг, недавно привезенный в дом на западной окраине деревни.

Цинь Янь проснулся от голода. Едва успев приоткрыть глаза, он уловил аромат свежих, еще горячих паровых булочек с их неповторимым запахом пшеничной закваски. Запах заставил его сесть на кровати, опираясь на локти. Тело отозвалось болью, и он невольно издал тихий стон. Особенно болезненным было ощущение внизу спины — резкая боль заставила его глаза наполниться слезами, а зубы сжались так сильно, что он затаил дыхание.

С тех пор как в свой восемнадцатый день рождения Цинь Янь выиграл крупный приз в лотерею, он больше никогда не позволял себе страдать и компенсировал все трудности, пережитые в детстве. Хотя нельзя сказать, что он тратил деньги бездумно и жил на широкую ногу, но, будучи человеком, который заботился только о себе, он жил довольно комфортно и вольготно. Поскольку у него были деньги, он очень берег себя и свое здоровье. Хорошие дни, по его мнению, никогда не могли длиться слишком долго, и даже если он слегка порезал палец ножом для фруктов, это превращалось в настоящую драму с поездкой в больницу. Если бы он задержался с повязкой, рану, возможно, уже было бы трудно найти.

Так что, испытывая такую боль, Цинь Янь чувствовал себя невероятно подавленным. Он молча пролежал в кровати, пока из его глаз не потекли слезы. Лишь когда желудок заурчал от голода, он вытер глаза рукавом.

Только тогда он заметил, что на нем была лишь свободная красная свадебная одежда. Воздух за пределами одеяла был прохладным, и на его ухоженной и белой коже выступила мелкая гусиная кожа.

За дверью слышались звуки, как будто кто-то помешивал еду лопаткой и жарил ее на масле, что наполняло воздух аппетитным запахом. Цинь Янь весь вчерашний день почти ничего не ел, а ночь была беспокойной. Он сглотнул слюну, и простое желание поесть пересилило все остальное. Сжав зубы и терпя боль, он нашел у кровати пару тщательно вымытых и высушенных старых матерчатых туфель. Примерив их, понял, что они великоваты, но все же смог натянуть их на ноги.

Встав с трудом, он заметил, что свадебная одежда была ему коротковата — она доходила только до лодыжек, обнажая часть икр.

Эта свадебная одежда была единственным приданым прежнего владельца тела, которую его мачеха тайком заказала по его меркам. Деньги на нее были взяты из свадебного выкупа. Старуха не хотела тратить средства, но получив щедрый выкуп, все же не могла оставить пасынка без свадебного наряда и, стиснув зубы, пошла на это.

Несмотря на сильный голод, Цинь Янь, шатаясь, подошел к квадратному деревянному столу у окна. На нем стояло бронзовое зеркало, корзинка с иголками и нитками, а также деревянная расческа. Цинь Янь взял зеркало и внимательно посмотрел на свое лицо.

В зеркале отражалось знакомое до боли лицо, которое Цинь Янь видел уже двадцать два года, но вместо коротких волос теперь у него были пряди, доходившие почти до талии. Он поднял правую руку и посмотрел на родинку на большом пальце — она тоже была на месте.

Цинь Янь вздохнул с облегчением и пробормотал:

- Хорошо, это мое собственное тело.

Он был очень похож на прежнего владельца тела, но с некоторыми незначительными отличиями, возможно, из-за того, что прежний хозяин тела часто голодал и плохо развивался. Цинь Янь, хотя и провел юные годы в бедности, все же питался достаточно, чтобы расти здоровым. Прежний же был немного ниже Цинь Яня.

Цинь Янь «унаследовал» его личность, его красную свадебную одежду и, возможно, чтобы поддерживать логику этого мира, также «унаследовал» зелье, данное прежнему владельцу тела.

Где сейчас был оригинальный хозяин тела, Цинь Янь не знал, но мысль о том, что они могли поменяться местами, вызвала у него улыбку. Прежний хозяин тела, казавшийся с виду слабым, на самом деле обладал холодным и жестоким сердцем. Если он окажется в том мире и узнает, что его деньги украли, то Ван Янь и тот мужчина не останутся безнаказанными. На самом деле

Цинь Янь тоже не был простаком, но ребенок из той семьи напоминал ему самого себя в детстве, и он не смог тогда поступить жестоко. Если прежний владелец тела сможет вернуть деньги и сделать то, на что сам Цинь Янь не решился, то это будет к лучшему.

Желудок Цинь Яня заурчал, когда запах еды, доносившийся через щель двери, снова напомнил о голоде. Он поставил зеркало на место, провел рукой по лицу и перестал об этом думать. Сначала нужно было решить текущие проблемы — если он не поест, то вот-вот упадет в обморок от низкого уровня сахара в крови. С трудом добравшись до облупившейся красной деревянной двери, он ее открыл.

Цинь Янь, думавший только о еде, был совершенно не готов к тому, что увидел, когда открыл дверь. Его лицо приняло удивленное выражение, и он остановился, сделав шаг назад. Если бы не боль в спине, он бы, возможно, инстинктивно вернулся в комнату и захлопнул дверь.

На кухне стоял высокий и статный мужчина, смотревший на дымящийся железный котел у очага. Когда Цинь Янь открыл дверь, мужчина услышал шум и машинально обернулся.

Сегодня было солнечное утро, и свет, проходя через бумагу на окнах, ложился мягкими лучами на пол кухни. Один из этих лучей упал на лицо мужчины, большую часть которого покрывали алые шрамы, выглядевшие пугающе и напомнившие Цинь Яню комиксы в стиле Лавкрафта, которые он читал раньше.

Хотя прошлой ночью Цинь Янь мельком видел это лицо при свете свечи, он все равно не смог сдержать своего испуга при дневном свете. Цинь Янь считал, что нельзя винить себя за такую реакцию. Если говорить откровенно, то эта изуродованная половина лица была по-своему ужасна и днем, и ночью: ночью оно напоминало привидение, а днем — чудовище.

Мужчина, увидев Цинь Яня, слегка замер, но быстро заметил выражение на его лице. Его глаза опустились, скрывая взгляд, и он отвернулся, чтобы спрятать свою страшную сторону, оставив видимой более гладкую половину лица. Его опущенные веки с глубокими двойными складками скрывали взгляд, напоминающий спокойные воды глубокого озера. У него был высокий нос с красными прожилками, которые переходили с другой половины лица и прерывались на его самой высокой точке. Его губы были не слишком тонкими и не слишком толстыми, а их форма придавала ему немного холодной недоступности. Сейчас они были плотно сжаты, отчего он выглядел упрямым. Эта половина лица, возможно, не была поразительно красивой, но была достаточно выразительной, чтобы привлечь внимание. Если бы не ужасающие шрамы на другой стороне, мужчина наверняка был бы объектом внимания девушек и гермов, бросающих ему платки при встрече. И именно поэтому контраст между этими половинами лица был таким удручающим.

Мужчина явно почувствовал взгляд Цинь Яня, но не показал никакой реакции и даже не взглянул на него. Он только произнес низким, лишенным эмоций голосом:

- Встал — иди есть.

Слова вернули Цинь Яня к реальности, его сердце замерло на мгновение. Он быстро понял, что его реакция могла задеть мужчину.

Цинь Янь мысленно выругал себя за слабость, чувствуя вину и боль, а также немного тревоги. Объяснения только сделали бы ситуацию неловкой, поэтому Цинь Янь сжал губы и, моргнув своими выразительными глазами, нарочито раздвинул воротник пошире. Сделав вид, что идет к плите помочь с готовкой, он вдруг споткнулся и с коротким криком стал падать.

Мужчина среагировал мгновенно: хотя его взгляд не был направлен на Цинь Яня, он в тот же момент поднялся и быстро подошел, чтобы поддержать слабого юношу. Как только Цинь Янь обрел устойчивость, мужчина отдернул руку, намереваясь отступить на шаг, чтобы сохранить дистанцию.

Но Цинь Янь не позволил ему этого. Словно маленький белый кролик, он прильнул к мужчине, прижавшись к его широкой и теплой груди. Одной рукой он схватился за его одежду, доверчиво глядя на него, а другой дотянулся до лица мужчины, прикоснувшись к изуродованной, пугающей стороне.

Мужчина резко откинул голову назад, но его движения были сдержанными, и он лишь едва избежал прикосновения Цинь Яня. Однако Цинь Янь был полон решимости. Если он не преодолеет этот барьер сейчас, он мог остаться между ними надолго, что было для него неприемлемо.

Сглотнув свою гордость и игнорируя явное нежелание мужчины, Цинь Янь поднялся на цыпочки и снова протянул руку к изуродованной шрамами половине лица мужчины. В этот раз, кажется, почувствовав его настойчивость, мужчина не отступил, но его тело стало еще более напряженным. Цинь Янь, не обращая внимания на безмолвный отказ, поднял голову и осторожно провел пальцами по его лицу, усеянному шрамами.

На фоне людей этого непростого времени кожа Цинь Яня, напитанная ароматами гелей для душа и увлажняющих кремов, казалась невероятно белой и нежной, словно пропитанная мягким запахом.

Его ароматные и белоснежные пальцы медленно и тщательно скользили по изуродованной поверхности лица мужчины. Казалось, что никто и никогда так его не касался. Мужчина оставался напряженным, но все же отвернул лицо, избегая его прикосновения, и, с трудом сглотнув, хрипло прошептал:

- Ты... сначала умойся...

Цинь Янь мягко прильнул к нему, его дыхание орхидеи* ласкало лицо мужчины, и, словно кокетничая, он сказал:

- Хочу, чтобы муж меня умыл.

(ПП: это такой выдох, когда выражается недовольство или негодование, а при вдохе человек чувствует себя комфортно)

Мужчина старался не смотреть в глаза Цинь Яню, иначе он бы заметил, что взгляд его маленького супруга изменился: в нем больше не было страха и испуга, но и не было флирта или зависимости — лишь непонятное удивление и замешательство.

Цинь Янь перевел взгляд с лица мужчины на колонку иероглифов, расположенную недалеко от его лица. Они напоминали те, что можно увидеть в некоторых телесериалах, словно наложенные в постпродакшне над персонажем для пояснения. Иероглифы висели в воздухе. Цинь Янь осторожно протянул руку и прикоснулся к ним, но пальцы прошли сквозь буквы, и те рассыпались, словно песок. Когда он убрал руку, надпись снова восстановилась.

Мужчина заметил его движение и слегка повернул голову, глядя на него, все еще стараясь не показывать изуродованную часть лица. Цинь Янь убрал в сторону свое удивление и вновь прикоснулся к его лицу, еще крепче прижавшись горячим и мягким телом, и с игривой нежностью спросил:

- Хорошо?

<http://bllate.org/book/13590/1205162>